

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-326-341>

<https://elibrary.ru/EVFBNJ>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Н.А. Демичева
«ХОЖЕНИЕ» ФЕДОТА КОТОВА:
ВЗГЛЯД НА ПЕРСИЮ РУССКОГО КУПЦА XVII В.

Аннотация: В статье рассматривается «Хожение» купца Федота Котова, в котором отразились его впечатления от поездки в Персию в 1623–1624 гг., в контексте формирования образа этой страны в древнерусской словесности. Истоки традиции изображения «реальной» Персии обнаруживаются в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. В нем создается амбивалентный образ: с одной стороны, отмечается изобилие этих земель; с другой — неблагоприятные погодные условия. При этом Персия еще не изображается как единое пространство и государственное образование. Трансформация образа Персии происходит в статейных списках конца XVI — начала XVII в. В них Персидская земля изображается как мощное, богатое государство с сильной властью шаха. Особую роль в формировании образа Персии в древнерусской литературе играет «Хожение» Ф. Котова. В этом произведении приводится наиболее подробное и яркое описание данной страны, при этом развиваются темы и мотивы, появившиеся в более ранних текстах. Так, в нем, как и в «Хожении за три моря», образ Персии амбивалентен: она предстает как страна контрастов, в тексте постоянно противопоставляются наличие и отсутствие, пустота и изобилие. В «Хожении» Ф. Котова получает развитие и мотив богатства, который намечался в статейных списках Звенигородского и Брехова. Однако, несмотря на мотивы изобилия, богатства, внешней красоты, в этом произведении не создается утопический образ восточной страны: иноверное царство и его правители сопровождают образы смерти, разрушения.

Ключевые слова: «Хожение» Федота Котова, статейные списки конца XVI — начала XVII в., образ Персии, Аббас I.

Natalia A. Demicheva
**THE JOURNEY BY FEDOT KOTOV:
A RUSSIAN MERCHANT'S VIEW
ON PERSIA IN THE 17TH CENTURY**

Abstract: The article examines the *Journey (Hozhenie)* by Fedot Afanasyevich Kotov, which reflected his impressions of a trip to Persia in 1623–1624, in the context of the formation of image of this country in Old Russian literature. The origins of tradition of depicting “real” Persia can be found in Afanasy Nikitin’s *Journey Beyond Three Seas*. It creates an ambivalent image: on the one hand, the abundance of these lands is noted; on the other hand, unfavorable weather conditions. At the same time, Persia is not yet depicted as a unified space and state formation. The transformation of image of Persia takes place in the article lists of the late 16th — the early 17th centuries. In them, the Persian land is portrayed as a powerful, rich state with strong authority of shah. A special role in the formation of image of Persia in Old Russian literature is played Fedot Kotov’s *Journey*. The work provides the most detailed and vivid description of this country, while developing themes and motifs that appeared in earlier texts. Thus, in it, as in *Journey Beyond Three Seas*, the image of Persia is ambivalent: it appears as a country of contrasts, the text constantly contrasts presence and absence, emptiness and abundance. In Kotov’s *Journey* the motif of wealth, which was outlined in the ambassador’s reports by Zvenigorodsky and Brekhov, is also developed. However, despite the motifs of abundance, wealth, and external beauty, this work does not create an utopian image of the eastern country: foreign kingdom and its ruler are accompanied by images of death and destruction.

Keywords: *Journey (Hozhenie)* by Fedot Kotov, the ambassador’s reports of the end of the 16th — the beginning of the 17th century, image of Persia, Abbas I.

«Хожение» Федота Афанасьевича Котова, посвященное описанию его путешествия в Персию в 1623–1624 гг., является ценным источником для изучения восприятия древнерусскими людьми территории современного Ирана, формирования образа этой страны (и — шире — Востока) в русской литературной традиции.

Особое значение данного памятника, в частности, отмечал литературовед-медиевист Н.И. Прокофьев, который позиционировал «Хожение» Ф. Котова как отправную точку в развитии иранской темы в отечественной словесности: исследователь акцентировал вни-

мание на том, что этот купец «впервые познакомил русского читателя с жизнью Персидского царства» [10, с. 18] и именно ему принадлежит «первенство в ознакомлении с торговой, бытовой и деловой жизнью Персии» [10, с. 18]. Однако образ «реальной» (не фантастической) Персидской земли начал формироваться в древнерусской книжности еще в XV в. В связи с этим указанное произведение следует, на наш взгляд, рассматривать в контексте других, более ранних текстов, которые были написаны побывавшими там путешественниками. Такой подход позволит проследить эволюцию образа Персии в древнерусской словесности, определить место «Хожения» Ф. Котова в русской литературной традиции.

Персия долгое время была для русских людей территорией неизведанной, экзотической. Это обусловлено удаленностью Русской и Персидской земель друг от друга, нерегулярностью их торговых и дипломатических отношений. Некоторая информация о территории, на которой располагается современный Иран, содержится в произведении конца XV в. — «Хожении за три моря» купца Афанасия Никитина, который, упоминая о своем пребывании в отдельных населенных пунктах, приводит очень краткие и отрывочные сведения:

— о природно-климатических условиях («А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поймаеть его море по двожды на день» [17, с. 13]; «А в Гурмызѣ есть варное солнце, человѣка съжжетъ» [17, с. 13]; «...сило варѣ в Гурмызѣ...» [17, с. 24]; «...а в Гиляни душно велми да парищо лихо...» [17, с. 24]);

— о торговой инфраструктуре («Гурмызъ же есть пристанище велико, всего свѣта люди въ немъ бывають, всякы товар въ немъ есть, что на всемъ свѣте родится, то в Гурмызѣ есть все; тамга же велика, десятое со всего есть» [17, с. 21]);

— о событиях религиозной истории («А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онѣ их проклялъ, ино 70 городов ся розвалило» [17, с. 13]);

— о быте («...а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны» [17, с. 13]).

Так, формируется представление о данной местности как значимой для мусульманского мира, богатой городами (на первый план

выдвигается Ормуз как крупный торговый центр, подчеркивается изобилие доступных там товаров), но при этом не самой благоприятной для человека из-за природных условий (сильный зной, частота приливов). Наличие негативных характеристик М. Мотамедния интерпретирует как развенчание мифа о «восточном рае», обосновывает отчужденностью Афанасия Никитина вследствие осознания им себя как «чужеземца, которого всячески принуждают к отказу от своей веры и принятию мусульманства» [8, с. 20]. Однако заметим, что древнерусской литературе вообще было свойственно амбивалентное восприятие Востока. Например, по наблюдениям А.С. Демина, «с XI по XVII вв. в литературных произведениях Древней Руси Индия, как фантастическая или условная, так и реальная, с предметно-изобразительной точки зрения представлялась крайне опасной, неприятной и неудобной страной, несмотря на ее подавляющее каменное и фруктовое-овощное богатство» [4, с. 213].

При этом, по нашему мнению, стоит обратить внимание и на то, что сам Афанасий Никитин не использует общего обозначения для персидской территории, указывая лишь названия конкретных областей и городов. Тем самым цельного образа Персии как единого пространства и государственного образования в произведении не создается, что вполне соответствует исторической действительности, так как «с VII в. до начала XVI в. единого иранского государства не существовало» [2, с. 29]. Однако заметим, что по отношению к Индии, также представлявшей в то время конгломерат независимых княжеств, в «Хожении за три моря» используются номинации «Индѣйская страна», «Индѣйская земля» (см., например: [17, с. 13, 14]), она мыслится как нечто целое.

С 70-х гг. XV в. возник дополнительный фактор, затруднявший коммуникацию между Русской и Персидской землями, — контроль Крымского ханства Османской империей, враждебно настроенной и против Руси, и против Персии. Однако, по наблюдениям ираниста П.П. Бушева, Василий III и Иван IV еще в первой половине XVI в. начали проявлять интерес к государству Сефевидов (Кызылбашскому государству), которое было образовано в 1502 г. Исмаилом I и со временем подчинило себе большую часть Персидских земель [2, с. 36].

В середине XVI в., когда были присоединены Казанское и Астраханское ханства, Русское государство получило доступ к Ка-

спийскому морю, и с этого момента начался обмен официальными дипломатическими миссиями. К концу XVI в. и на протяжении XVII в. темп дипломатического обмена наращивался, что связано с общностью интересов государств в вопросе противодействия османам [6, с. 5–6]. Так, по подсчетам историка Т.К. Кораева, в период с 1588 по 1676 гг. состоялось 20 русских и 15 иранских посольств [5, с. 156].

Сохранившиеся отчеты послов о ходе дипломатических миссий — статейные списки — представляют некоторый интерес в контексте исследования эволюции образа Персии в древнерусской словесности; в них Персидская земля изображается уже не как разрозненные территории, а как мощное государство с сильной властью шаха. Несмотря на утилитарное значение, тексты этого жанра в той или иной степени могут сближаться с художественной литературой, в них отражаются «личные впечатления от виденного, описание “обыкностей” и диковинок...» [7, с. 328].

В частности, в статейном списке А.Д. Звенигородского, побывавшего в Персии в 1594–1595 гг. (подробнее см.: [2, с. 235–266]), появляется описание Казбина, который был в то время столицей Сефевидского государства. Этот город предстает как оживленное, шумное место, пространство, наполненное множеством людей: «И вели князя Ондreja черезъ мойданъ, а на мойдане стояли многие жъ люди. А на полатахъ стояли шаховы трубачи и накрачѣи и играли в трубы и въ сурны и по накромя били» [16, с. 255]). Звенигородский обращает также внимание на богатое убранство княжеских палат, описывает золотой трон шаха, украшенный драгоценными камнями. Позднее дипломат И. Брехов, посольство которого состоялось в 1614–1615 гг. (подробнее см.: [3, с. 69–88]), также отмечает ту роскошь, которая сопровождала шаха, описывает, как к его приезду готовились, богато украшали все на его пути: «А въ ряду въ те поры по лавкамъ по всемъ розвешены были камки и бархаты, а по дороге посланы были ковры» [15, с. 337]. Особый интерес представляет характеристика шаха Аббаса I как безнравственного, жестокого тирана, вызывающего ненависть у подданных:

А шаха де не любять всюю землею, то они слыхали ото всякихъ людей, что его конечно не любять за то, что отъ него во всей землѣ люди

его оскорблены: многихъ побилъ. А какъ куды пойдетъ въ походъ, а въ которой городъ его приходъ, и онъ себя велитъ встрѣчать женскому полу и велитъ играть, и емлетъ на насильство. И многіе де розные насильства и обиды людемъ своимъ чинить. И за то всѣ не любятъ, и ропотъ про него во всей землѣ [15, с. 343–344].

«Хождение» Ф. Котова, дошедшее до нас в трех списках [1, с. 15, 52], представляет собой новый этап в формировании образа Персии в древнерусской словесности. В этом произведении приводится наиболее подробное и яркое описание данной страны, при этом развиваются некоторые темы и мотивы, которые ранее встречались в «Хождении за три моря» купца Афанасия Никитина и статейных списках. Следует оговориться, что в «Хождении» Ф. Котова не обнаруживаются текстуальные заимствования из этих памятников, нет сведений о том, был ли автор с ними знаком.

Об авторе «Хождения» — Федоте Котове — сохранились некоторые сведения: он, вероятно, принадлежал к купеческому роду; первое упоминание о нем содержится в документах Печатного приказа и датируется 6 марта 1613 г.; в 1621 г. он жил в Москве; в 1623 г. отправился в Персию «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси указу <...> с государевою казною» [14, с. 25]; в 1628 г. он вместе с братом Родионом и племянником Сергеем оказался под следствием и был сослан в Сибирь из-за действий их родственника — Давыда Афанасьевича Котова, сбежавшего в Литву; в 1634 г. переехал в Казань (см. подробнее: [9, с. 248–249]).

Исследователи по-разному трактуют цель поездки Ф. Котова в Персию. По предположению Н.А. Кузнецовой, опубликовавшей критическое издание «Хождения», «перед отъездом Котов получил из Посольского приказа специальное задание — описать пройденный путь, обычаи жителей, города и представить “статейный список”. Судя по характеру дошедших до нас вариантов “О ходу в Персидское царство”, Котов вел в пути дневник, который затем лег в основу отчета о поездке в Персию» [6, с. 13]. Стоит согласиться с тем, что купец делал заметки по ходу путешествия, а затем составил текст-отчет. Однако, на наш взгляд, называть его статейным списком не совсем корректно,

поскольку произведения этого жанра создаются послами, описывают ход дипломатической миссии, имеют особую структуру, в них фиксируются ход и результаты переговоров, церемонии. Сомнение вызывает также основная цель поездки, так как описать путь в Персию, обычаи и пр. могли бы послы В. Коробьин и О. Кувшинов, которые в тот момент находились в государстве Сефевидов (1621–1624) и пытались решить вопрос о прекращении агрессии Аббаса против христианской Грузии.

Вероятно, ближе к истине историк Я.Н. Рабинович, высказавший предположение о том, что Котов был отправлен в первую очередь с целью передать какие-то специальные указания послам от Посольского приказа, возможно, связанные с переговорами насчет передачи Христовой ризы шахом в Москву, которая произошла вскоре, в 1625 г. [11, с. 51–53] (сюжет о даре шаха Аббаса отразился в ряде древнерусских произведений; об этом см. подробнее: [13]). Еще одной задачей Котова, по-видимому, являлось создание вспомогательной инструкции для купцов, отправляющихся в Персию (см. также: [8, с. 23]).

Текст «Хожения» характеризуется лаконичностью и информативностью. В нем подробно описывается путь купца, при этом такие описания строятся по определенной схеме с различными вариациями: тщательно фиксируется расстояние между населенными пунктами (обычно в днях пути), рельеф местности (горы, низины), наличие рек, брода или моста через них, указывается, на каком транспорте можно переправляться. В качестве примера приведем следующий фрагмент:

А от Ардевиля до Халкана ходу три дни горами и ручьями нужно. А Халкал деревня велика, тут ардевильские подводы переменяют, от Халкала день ходу до большие горы, а гора добре велика и высока, каменная, и промеж тое гору течет река не велика, порожи́ста, по неи ехать нелзя, а через тое реку мост каменной велик <...>, а имя тое реки Кизыл. И того ходу через реку по мосту з горы на гору ходу день. А итьти на конях и на ослятах. А верблюжья ходу нет для безмерные высоты. И через тое реку есть другая дорога ниже горами. И по тои дороге ходят и верблюды с нужею [14, с. 37–38].

Котов указывает на тип населенного пункта (деревня, маленький город, большой город), описывает укрепления, архитектуру, обращает внимание на то, что связано с торговлей: наличие постоянных дворов, базаров, ассортимент товаров. Иногда он дает своеобразную историческую справку, указывая на то, что в описываемом месте было ранее.

Персия в «Хожении» Ф. Котова предстает как страна контрастов, в тексте постоянно противопоставляются наличие и отсутствие, пустота и изобилие, низкое и высокое. Этот эффект достигается за счет использования в небольшом фрагменте текста, нередко в рамках одного предложения, антонимов: с одной стороны, лексики, с помощью которой утверждается наличие или высокая степень признака (например, глагола «быть» в настоящем или прошедшем времени, рядов однородных членов, повторов, прилагательных «высокий», «великий», «большой», слова «много», конструкций с числительными); с другой — лексики и конструкций, указывающих на отсутствие или неполноту признака, изменение состояния от существования к несуществованию (например, слов с отрицательной частицей — «невеликий», предиката «нет», лексем «пустой», «низкий», «худой», «распасться», «рассыпаться», «разорить», уменьшительных суффиксов):

А в Венге <...> город был велик, каменной, да разсыпался, одна подошва зная. А ныне города нет. Толко посад невелик, разоренное место... [14, с. 38];

А с пристани, от Низовой с версту, деревня велика Дербенской при суд. Тут сedit дорога, а по нашему приказной человек. А над деревнею горы высоки, и с них снег и летом не сходит. А в деревни сады, яблока, изюм, орехи грецкие, чернослив, миндалы, дыни, арбузы, а хлебно — пшеница, пшено, арпа, а по рускому ячмень, а иного хлеба нет [14, с. 32];

А Салтаня была царство древнее, и город был каменной, добре велик. И в том большом городе кремль <...> город. А в кремле <...> сказывают, болших дворов было болши 20 <...> опричь большого города и посадов. А ныне тот большой город разорен до основания. А у нутренего города толко одна стена, да две башни, и ров, да зарось. А тепере посадишко, да

ряды и карамсарай, а все каменное — и царьского двора ворота, и столбы каменные добре высоки, да во внутренем же городе стоит мечеть каменная велика и высока о многих верхах, а в не(й) четыре притвора велики. Сажень одне стены по пятнадцати и больше [14, с. 38].

Персия изображается как страна экзотичная, удивительная («видети велми дивно» [14, с. 38]). Котов уделяет внимание описанию архитектурных сооружений, предметов искусства, обычаев. При этом после фрагментов, в которых выражается удивление и которые могут быть интерпретированы как восхищение, автор активно дистанцируется от изображаемого. Зная, что составляет документ, который будет читаться в Посольском приказе, он проявляет осторожность и неоднократно подчеркивает, что не симпатизирует исламу и порядкам чужой страны (об оппозиции «свой — чужой» см.: [12]). Для того чтобы продемонстрировать твердость своей веры и неприятие ислама, Котов при описании мусульманских религиозных сооружений, мусульманских праздников, в том числе связанных с пророком Мухаммедом, использует синонимические ряды и риторические восклицания:

И про те мечети писано ни в похвалу, ни в славу, а зная что было великое царство, толко розорено [14, с. 38];

И всего в персидской земли четыре праздника, а что про них писано и то им не на славу, но на укоризну, и понос, и на пагубу им! [14, с. 54];

<...> то у них праздник. И им на укоризну, а не в похвалу. А сказывают, что в пятницу Бахмет родился того дня и празднуют еженедель, ему на вечный огонь, и на бесконечную муку, и на понос, и на укоризну [14, с. 54].

Мотив изобилия, богатства, который намечался в статейных списках Звенигородского и Брехова, особенно ярко проявляется в «Хожении» Котова. Показателен фрагмент, посвященный столице на тот момент — Исфахану. Лексема «золото» и ее производные упоминаются более 15 раз, с помощью числительных указывается на большие объемы, большое количество построек:

А майдан весь гладок и ровен нарядной <...>, а длиною сажен болши четырёхсот, а поперег сажен со сто. А около майдану ряды, и кафы, и гостинные дворы, и мечети — все каменные. А гостиных дворов, сказывают, болшие ста, а все каменные. А у них перед анбары и в анбарех писано розными красками и золотом всякие травы [14, с. 42].

При этом нередко в подобных случаях пафос снижается за счет использования приема контраста. Например, при описании величественной мечети Котов добавляет бытовое, разговорное сравнение:

А посередь того ряду строит шах болшую мечеть вново велику, а делают по 7133 год, шестой год. А величеством мечеть от болших дверей длиною 80 сажен, а поперег и с приделы <...> со 100 сажен, а камень делан розной, и делом, и камением строино и воды в ней. А не покрыта, уряжена что скверная невеста [14, с. 43].

Дистанцирование от ислама и мусульманской культуры происходит также за счет выражения крайне негативного отношения к мусульманским абдалам (монахам, дервишам; см. об отрицательных коннотациях лексемы «абдал»: [1, с. 114–115]):

И те абдалы ходят по майдану, и по улицам, и по рядам и рассказывают про житье клятых своих, как жили и скончались, а ходят наги и босы, толко закрывают у себя срам овчиною и через плечо носят овчину же шерстью вверх, а на голове носят колпаки дурны, а в руках носят палицы, и копы, и топоры, а в ушах каменье хрустали <...>. А образом страшны, что бешеные и дурни. Днем ходят по майдану и по улицам, и мало едят и пьют днем, а ночью и чихир пьют и з бл...ками и с робаты блуд содевают [14, с. 47].

Помимо негативных эпитетов «страшны», «бешены» и «дурни», в данном фрагменте присутствует мотив наготы, в то время как одевание в овчину в совокупности с указанием на лицемерное, агрессивное поведение этих людей может ассоциироваться с библейским образом лжепророков, которые приходят в овечьей шкуре, но внутри представляют собой хищных волков.

Описания мусульманских праздников сопровождаются образами, связанными со смертью, насилием (гробы, кладбища, убийства, раны, кровь, плач): во время шиитского праздника байрам-ошура «ходят по майдану и по улицам и носят гробы» [14, с. 53], «и лице все кровью вымазано» [14, с. 53], «жонки плачут, а мужики и робята головы у себя кроют <...> бритвами и ходят кровавы, а на руках и на грудех прорезывают и мажутца кровью — лицо, и голову, и руки» [14, с. 53]; «А во всякой недели празнуют день пятницу. В тот день не торгуют и в рядех не сидят, а сами против пятницы з женами спят и з бл...ками, и перед светом в банях мьются, и на свету по утру в пятницу ходят на кладбища, где мертвые их лежат и тут над ними плачут, то у них праздник» [14, с. 54].

В рассказе о празднике курбан-байрам подробно описана расправа над жертвенным верблюдом:

И того верблюда повалят на том уряженом месте. И ноги у верблюда свяжут, а на ноги и на голову верблуду изсядут мясники с ножи человек с тритцать. А сам шах и вси люди к верблуду съедутца, и послы, и купчины иных государств. И сам шах, сидя на коне, станет говорить фату, а по нашему молитву, по своей вере. И как молитву проговорит и рукою махнет дороге и дорога приедет на коне к верблуду и возмет у носящего копие и ударит верблуда копьем с коня промеж ребр, а сам и прочь поедет, а копье в нем оставит. <...> А те мясники тот час голову у верблуда отрежут, и его разсекут на жеребьи и понесут к шахову двору [14, с. 49–50].

Одним из главных действующих лиц этого жестокого ритуала является шах, который в «Хожении» охарактеризован как успешный, могущественный правитель, сумевший подчинить себе многие земли, но при этом акцентируется внимание на его честолюбии и жестокости (ср. с его образом у И. Брехова). Так, торжественная встреча шаха из похода на Багдад сопровождается в произведении образами насилия и смерти:

<...> и теснота великая ехать и пешим итти, друг друга подавляют, и платье обдирают, и стремена отрывают, и пеших топчют. А заповедь в царстве такова: хто не идет шаха встречать от семи лет да по осмидесят

лет мужского полу и женского, того казнят смертною казнью — брюха порют [14, с. 46].

Для описания шума, который царит в столице, Котов использует прием аллитерации (повторение звуков [р], [б]): «...в трубы трубят, и в сурепки играют, и по литаврам, и по набатам бьют» [14, с. 46, 48]. Он сравнивает громкие звуки с криками животных («...большие трубы, что буйволы ревут» [14, с. 48]; «...трубят, чтобы коровы ревут» [14, с. 44]), передает впечатление от воздействия звука с помощью эмотивов: «И тот крик страшно слышати и не мощно слова друг з другом промолвити» [14, с. 46], «А после того полку, идет другой полк связьем же — тевризцы и вопят тоже, что бешеные во весь голос. И все люди, идучи перед верблюдом, вопят. И тот людской крик и коньское смешение страшно видети и слышати» [14, с. 49]).

Завершая наше исследование, отметим, что «Хожение» Ф. Котова играет особую роль в формировании образа Персидской земли в древнерусской литературе, при этом в нем раскрываются некоторые темы и мотивы, появившиеся в более ранних текстах об этой территории. Так, в «Хожении за три моря» А. Никитина создается амбивалентный образ местности, в которой располагается современный Иран: с одной стороны, отмечается изобилие этих земель городами, товарами; с другой — неблагоприятные погодные условия. Мотив богатства Персии используется также в статейных списках конца XVI — начала XVII в. и получает наиболее яркое воплощение в «Хожении» Ф. Котова. Купец Котов, как и дипломат И. Брехов, акцентирует внимание на жестокости шаха Аббаса I.

В «Хожении» Ф. Котова, как и в предшествующих ему текстах — «Хожении за три моря» А. Никитина и статейных списках послдов в Персию, не создается утопический, райский образ восточной страны. Иноверное царство и его правителя сопровождают в этом произведении образы смерти, разрушения, несмотря на мотивы изобилия, богатства, внешней красоты. А достигается этот эффект за счет основных стилистических приемов в произведении Котова — контраста и антитезы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Алиев Т.А. «Сказание о хождении в Персию» Федота Котова как лингвистический источник: Реконструкция текста и его лингвистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 248 с.
- 2 Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 478 с.
- 3 Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1987. 278 с.
- 4 Демин А.С. Индия в древнерусской литературе // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 197–215. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-197-215
- 5 Кораев Т.К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI–XVII вв.: соседство, соперничество, сосуществование // Исторический вестник. 2015. Т. 11, № 158. С. 154–199.
- 6 Кузнецова Н.А. Предисловие // Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н.А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 5–21.
- 7 Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII в.: статейные списки. СПб.: Наука, 2008. С. 319–346. (Репринт. изд. 1954).
- 8 Мотамедния М. Иран в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 192 с.
- 9 Перхавко В.Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008. 509 с.
- 10 Прокофьев Н.И. Литература путешествий XVI–XVII веков // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Сов. Россия, 1988. С. 5–20.
- 11 Рабинович Я.Н. Братья Коробыины на службе России (1603–1639). Саратов: ИЦ «Наука», 2014. 108 с.
- 12 Тищенко А.С. Оппозиция «свой — чужой» в жанре хождений: к вопросу о формировании понятий «русский мир» и «Русская земля» // Русская старина. 2021. № 12 (2). С. 78–86. DOI: 10.13187/rs.2021.2.78
- 13 Туфанова О.А. Семантика рассказов о даре шаха Аббаса в «Пискаревском летописце» и в «Повести о победах Московского государства» // Литература Древней Руси и Нового времени: материалы XI всероссийской конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 3–4 декабря 2020 г. / под общ. ред. Н.В. Трофимовой. М.: МПГУ, 2021. С. 86–93.

Источники

- 14 О хождении с Москвы в Персидское царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят (критический текст) // Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н.А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 23–60.
- 15 Статейный список [Ивана Брехова] // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского: в 3 т. СПб.: Т-во Паровой Скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890–1898. Т. 2: Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. С. 332–346.
- 16 Статейный список князя Андрея Звенигородского // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского: в 3 т. СПб.: Т-во Паровой Скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890–1898. Т. 1: Царствование Федора Иоанновича. С. 246–287.
- 17 Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп. и перераб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.

REFERENCES

- 1 Aliev, T.A. “Skazanie o khozhenii v Persiiu” Fedota Kotova kak lingvisticheskii istochnik: Rekonstruktsiia teksta i ego lingvisticheskii analiz [“The Tale of Journey to Persia” by Fedot Kotov as a Linguistic Source: Text Reconstruction and its Linguistic Analysis: PhD Thesis]. Moscow, 2003. 248 p. (In Russian)
- 2 Bushev, P.P. *Istoriia posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arkhivam)* [History of Embassies and Diplomatic Relations of the Russian and Iranian States in 1586–1612 (according to the Russian Archives)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 478 p. (In Russian)
- 3 Bushev, P.P. *Istoriia posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. (po russkim arkhivam)* [History of Embassies and Diplomatic Relations of the Russian and Iranian States in 1613–1621 (according to the Russian Archives)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 278 p. (In Russian)
- 4 Demin, A.S. “Indiia v drevnerusskoi literature” [“India in Old Russian Literature”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 197–215. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-197-215 (In Russian)
- 5 Koraev, T.K. “Moskovskaia Rus' i Safavidskii Iran v Prikaspii XVI–XVII vv.: sosledstvo, sopernichestvo, sosushchestvovanie” [“Muscovite Russia and Safawid Iran in 16–17 cc.: Coexisting by the Caspian”]. *Istoricheskii vestnik*, vol. 11, no. 158, 2015, pp. 154–199. (In Russian)
- 6 Kuznetsova, N.A. “Predislavie” [“Preface”]. *Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiiu* [Journey of the merchant Fedot Kotov to Persia], published by N.A. Kuznetsova. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1958, pp. 5–21. (In Russian)

- 7 Likhachev, D.S. "Povesti russkikh poslov kak pamiatniki literatury" ["The Stories of Russian Ambassadors as Monuments of Literature"]. *Puteshestviia russkikh poslov XVI–XVII v.: stateinye spiski* [Travels of Russian Ambassadors of the 16th–17th Centuries: Ambassador's Reports]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 319–346. (Reprint ed. of 1954). (In Russian)
- 8 Motamedniia, M. *Iran v russkoi literature* [Iran in Russian Literature: PhD Thesis]. Astrakhan, 2009. 192 p. (In Russian)
- 9 Perkhavko, V.B. *Istoriia russkogo kupechestva* [History of the Russian Merchants]. Moscow, Veche Publ., 2008. 509 p. (In Russian)
- 10 Prokof'ev, N.I. "Literatura puteshestvii XVI–XVII vekov" ["Travel Literature of the 16th–17th Centuries"]. *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes of Russian Travelers of the 16th–17th Centuries], comp., text prep., comm. by N.I. Prokof'ev, L.I. Alekhina. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1988, pp. 5–20. (In Russian)
- 11 Rabinovich, Ia.N. *Brat'ia Korob'iny na sluzhbe Rossii (1603–1639)* [Brothers Korob'iny in the Service of Russia (1603–1639)]. Saratov, Nauka Publ., 2014. 108 p. (In Russian)
- 12 Tishchenko, A.S. "Oppozitsiia 'svoi — chuzhoi' v zhanre khozhdenii: k voprosu o formirovanii poniatii 'russkii mir' i 'Russkaia zemlia.'" ["Opposition 'Ours — Others' in the Genre of Journeys: on the Question of the Formation of the Concepts of 'Russian World' and 'Russian Land.'"]. *Russkaia starina*, no. 12 (2), 2021, pp. 78–86. DOI: 10.13187/rs.2021.2.78 (In Russian)
- 13 Tufanova, O.A. "Semantika rasskazov o dare shakha Abbasa v 'Piskarevskom letopistse' i v 'Povesti o pobedakh Moskovskogo gosudarstva'" ["Semantics of the Stories on the Gift of Shah Abbas the Great in the Piskarevsky Chronicle and in the Tale of the Moscow State Victories"]. Trofimova, N.V., ed. *Literatura Drevnei Rusi i Novogo vremeni: materialy XI vserossiiskoi konferentsii "Drevnerusskaia literatura i literatura Novogo vremeni", posviashchennoi pamiati professora Nikolaia Ivanovicha Prokof'eva, g. Moskva, 3–4 dekabria 2020 g.* [Literature of Old Russia and Modern Times: Materials of the 11th All-Russian Conference "Old Russian Literature and Literature of Modern Times", dedicated to the Memory of Professor Nikolai Ivanovich Prokofiev, Moscow, December 3–4, 2020]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2021, pp. 86–93. (In Russian)

***

Информация об авторе: Наталья Алексеевна Демичева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: natadem@bk.ru

Information about the author: Natalia A. Demicheva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: natadem@bk.ru

***

Для цитирования: Демичева Н.А. «Хожение» Федота Котова: взгляд на Персию русского купца XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 326–341. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-326-341>

© 2024, Н.А. Демичева

For citation: Demicheva, N.A. “‘The Journey’ by Fedot Kotov: a Russian Merchant’s View on Persia in the 17th Century.” *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 326–341. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-326-341>

© 2024, Natalia A. Demicheva